

ОТВѢТЪ Г. ПРОФЕССОРУ ЛЕШКОВУ НА ЕГО „ДВА СЛОВА“ О СОЧИНЕНИИ: „О ПОКУШЕНИИ НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПО НАЧА- ЛАМЪ НАУКИ И СОВРЕМЕННЫМЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАМЪ“.

Г. почтенному профессору угодно было въ № 5 Московскихъ Университетскихъ Извѣстій за текущій годъ, указать намъ на нѣкоторыя, по его мнѣнью, неточности и недостатки нашего еще несовершеннаго скромнаго труда. Отъ души благодаримъ его за его къ намъ вниманіе. Считаемъ впрочемъ нелишнимъ замѣтить здѣсь, что его „два слова“, исключая однако *покушенія* его, или попытки принести нашей наукѣ услугу матеріальнымъ опредѣленіемъ понятія преступленія, собственно тѣ самыя возраженія, которые онъ намъ сдѣлалъ въ качествѣ официальнаго оппонента на нашемъ магистерскомъ диспутѣ 17-го мая настоящаго года. А потому еще разъ благодаримъ г. Лешкова, въ особенности за то, что онъ даетъ намъ возможность снова высказаться противъ его возраженій, и на этотъ разъ опредѣленнѣе и свободнѣе.

Постараемся идти слѣдомъ за почтеннымъ профессоромъ

Предпославши картинное сравненіе „заглавія серьезной новой книги съ фizioноміей каждаго, съ кѣмъ впервые знакомишься“, онъ начинаетъ „съ фizioноміи нашего сочиненія или съ его заглавнаго листа“. И вотъ прежде всего не нравится ему заглавіе нашей монографіи. По его мнѣнью, въ нашемъ, техническомъ смыслѣ мы должны были бы назвать покушеніе „преступнымъ“, наказуемымъ, или вообще „по-

кушеніемъ.“ — Между тѣмъ намъ кажется и теперь, что употребленное нами выраженіе „о покушеніи на преступленіе“ вполне правильно. Слово „покушеніе“ само по себѣ можетъ употребляться и въ смыслѣ общемъ, нетехническомъ, въ значеніи вообще попытки, опыта, а потому не выражало бы собою ясно того, что именно имѣемъ мы въ виду въ нашемъ трудѣ: заглавіе же сочиненія, какъ говорить и самъ уважаемый критикъ нашъ, должно представлять собою „общее выраженіе для разбираемой въ немъ задачи. — Далѣе, онъ самъ вполне вѣрно замѣчаетъ, что „говоря о покушеніи на преступленіе, мы различаемъ два полныхъ понятія,“ т. е. покушеніе вообще и преступленіе. Однако же мы отнюдь не противопоставляемъ ихъ одно другому, какъ полагаетъ г. Лешковъ. Для противоположенія, по нашему мнѣнію, здѣсь нѣтъ мѣста, да и нѣтъ въ немъ никакой надобности. Соединеніемъ этихъ двухъ понятій частицею „на“, мы ограничиваемъ и то и другое, но тѣмъ самымъ и взаимно опредѣляемъ ихъ одно другимъ; иными словами, употребляя выраженіе: „покушеніе на преступленіе,“ мы тѣмъ самымъ выражаемъ, что имѣемъ въ виду не покушеніе вообще, а именно покушеніе на преступленіе, а равно и то что мы говоримъ не о преступленіи вообще, а лишь о покушеніи на него, или, иначе, о неоконченномъ умышленномъ преступленіи. Такимъ образомъ само собою разумѣется, что въ этомъ послѣднемъ смыслѣ покушеніе во всякомъ случаѣ является составною частію преступленія, однако лишь умышленного.

Что касается до выраженія „наказуемое покушеніе,“ то такое заглавіе не годилось бы уже и потому, что избранная нами задача шире: мы имѣли въ виду покушеніе на преступленіе вообще, т. е. между прочимъ и покушеніе, добровольно оставленное преступникомъ, (о которомъ мы намѣрены говорить во второмъ выпускѣ), а таковое не подлежитъ наказанію, какъ покушеніе, на что прямо указываетъ хотя напр. и наше Уложеніе въ своей 113-й статьѣ: „когда учинившій приготовленіе къ преступленію, или уже и покусившійся на оное, остановился при томъ, и по собственной волѣ не совершилъ преднамѣреннаго, то онъ подвер-

гается наказанію лишь въ томъ случаѣ, если содѣянное имъ при семъ приготовленіи и покушеніи есть само по себѣ преступленіе и только за сіе преступленіе, а не за то, которое онъ былъ прежде намѣренъ совершить.“ — Остается лишь терминъ „преступное покушеніе,“ но и онъ не вполне соответствуетъ нашей задачѣ. По крайней мѣрѣ, выставивши такое заглавіе, намъ пришлось бы разбирать праздный для насъ вопросъ, чѣмъ различается покушеніе преступное отъ непроступнаго. Но если и дѣйствительно можно было бы допустить послѣдній терминъ; то даже обращаясь къ иностранной терминологіи, хотя напр. къ нѣмецкой, мы обыкновенно встрѣчаемъ тамъ выраженія: die Lehre vom Versuche des Verbrechens, vom Versuch des Verbrechens и т. д., какъ техническія, и нигдѣ не случалось намъ встрѣчать выраженія: verbrecherischer Versuch въ смыслѣ научномъ, а тѣмъ болѣе употребленнаго для заглавія сочиненія. Не имѣя же еще своего отечественнаго, вполне образованнаго технического языка, по нашему мнѣнію, не худо слѣдовать здѣсь уже вполне установившейся иностранной терминологіи.

За тѣмъ почтенный профессоръ укоряетъ насъ за то, что мы выразились неточно, говоря: „о покушеніи на преступленіе,“ ему кажется, что мы тѣмъ самымъ будто бы даемъ поводъ думать, что *„намѣрены научить читателя совершать покушеніе по началамъ науки.“* Гораздо лучше было бы, полагаетъ онъ, озаглавить трудъ нашъ: „ученіе о покушеніи.“ Но, если бы мы послушались здѣсь предлагаемаго намъ совѣта, то не существовалъ ли бы и гораздо болѣе поводъ къ тому предположенію, къ которому пришелъ г. Лешковъ на основаніи уже нашего настоящаго заглавія?

Далѣе, наша фраза: „по началамъ науки и современнымъ законодательствамъ“ наводитъ нашего уважаемаго критика на сомнѣніе: „допускаемъ ли мы начала и въ самыхъ современныхъ законодательствахъ, или, можетъ быть, мы ихъ тамъ не предполагаемъ и не ищемъ? Вопросъ этотъ для него кажется тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что въ своей книгѣ, мы, будто бы, относимъ наказуемое покушеніе, или поку-